

РѢЧЬ

при гробѣ смотрителя раненбургскаго духовнаго училища, протоіерея Н. Г. Садовникова, произнесенная помощникомъ смотрителя сапожковскаго дух. учил. П. И. Чистосердовымъ.

Многоуважаемый о. смотритель! Позволь и мнѣ, какъ бывшему твоему сослуживцу, при послѣднемъ съ тобою «прости!» сказать нѣсколько краткихъ, но искреннихъ словъ. Не простая любезность заставила меня прибыть къ твоему праху,—нѣтъ! Меня привлекло то искрен-

не уваженіе, которое я всегда питалъ къ тебѣ, какъ ревностному и неутомимому труженнику на учебновоспитательномъ поприщѣ.

Не зналъ я твоей жизни и дѣятельности, какъ преподавателя семинаріи; не много мнѣ пришлось служить съ тобою и на училищной службѣ, но и это немногое, проведенное подъ твоимъ начальствомъ, время даетъ мнѣ полное право сказать при твоёмъ гробѣ: *блаженъ путь, въ оныя же идеши днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.* По словамъ Спасителя, этого упокоенія достойны все *труждающіеся и обремененныя* (Матт. II гл. 28 ст.). Ты, о. смотритель, по истинѣ былъ одинъ изъ труженниковъ, — ревностныхъ, неутомимыхъ труженниковъ! Время служенія, къ которому былъ представленъ, ты исполнялъ съ неподражаемымъ рвеніемъ и самоотверженіемъ. Училище, которымъ управлялъ, было для тебя самымъ дорогимъ дѣтищемъ; для него ты не жалѣлъ даже своего отъ природы не крѣпкаго здоровья. Все время, съ утра и до ночи, проводилъ ты въ немъ. Не успѣеть бывало настать день, какъ ты уже на ногахъ и твой зоркій глазъ всюду слѣдитъ, всюду подмѣчаетъ нестроенія и упущенія, всегда возможные въ столь трудномъ дѣлѣ, каково учебно-воспитательное. Вотъ, раздается звонокъ, прзывающій учениковъ въ классъ, — ты, какъ вѣрный рабъ, готовъ уже идти въ виноградникъ для дѣланія: скорою поступью, съ серьезнымъ, задумчивымъ лицомъ идешь ты изъ своей квартиры въ училище и, едва снова раздастся звонокъ, прзывающій наставниковъ къ дѣлу, ты тотчасъ спѣшишь въ классъ. И быстрымъ потокомъ льется твоя разумная и сердечная рѣчь, посѣвая въ сердцахъ твоихъ молодыхъ питомцевъ сѣмена правды и добра. Смотря на твою неутомимую дѣятельность и наставники старались не отставать отъ тебя усердіемъ въ своей дѣятельности. Да, не преувеличивая скажу, что ты служилъ для насъ — преподавателей, примѣромъ честной и неутомимой дѣятельности!

Какою скорбію исполнялось твое сердце, когда ты

замѣчалъ хотя незначительные недостатки въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ! То, что другой могъ переносить вполнѣ хладнокровно, ты самымъ близкимъ образомъ принималъ къ сердцу; и всякій недостатокъ вызывалъ тебя на служащую къ его уничтоженію дѣятельность. Всякій изъ насъ, твоихъ сослуживцевъ, помнитъ тѣ осенніе и зимніе вечера, на которыхъ свободно обсуждались разныя педагогическія мѣры къ возвышенію успѣховъ столь любимыхъ тобою питомцевъ сего училища. За то и ученики, всѣ до единого, любили и любятъ тебя, и въ тебѣ они потеряли дорогаго начальника—отца.

Но не вынесли твои ве крѣпкія силы столь труднаго бремени неутомной дѣятельности. И вотъ ты въ гробу, какъ воинъ, легшій костями на полѣ брани, но живымъ неотдавшій неприятелю своего знамени—знамени неподкупной честности и труда. По истинѣ *блаженъ путь, въ онъ жс идеши днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.* Спи же спокойно, неутомимый труженникъ, до будущаго всеобщаго воскресенія,—вѣчная тебѣ память!